

Съёмочная группа отлично знала, как увлечь зрителя. Получив согласие преподавателя, они запустили в репетиционном зале старую запись. На экране шёл фильм: Сяовэй подружился с главным героем, и теперь они вместе гоняли мяч на баскетбольной площадке. Усевшись перевести дух, Сяовэй вздохнул и заговорил о своей заветной мечте — стать королём судоходства. Приятель лишь поднял его на смех: ну какой из него магнат?

— А вдруг тридцать лет назад в море вышел бы я? И тогда все короли судоходства выглядели бы точь-в-точь как я?

Юноша произносил эти слова с лёгкой усмешкой, в его глазах горел живой, чистый огонёк. Весь его облик так и лучился уверенностью — он казался молодым, полным сил деревцем, тянущимся к солнцу.

Главный герой расхохотался. Сяовэй, поразмыслив, тоже смутился собственной дерзости. Он неловко взъерошил волосы на затылке, пытаясь свести всё в шутку:

— Офицер, да я же шучу. Вы ведь не поверили?

Тот крепко хлопнул его по плечу:

— Поверил. Даю тебе десять лет. Вот и поглядим, утрёшь ли ты всем нос.

В репетиционном зале воцарилась непривычная тишина. Досмотрев сцену, присутствующие невольно начали сравнивать экранного персонажа с тем, что только что показал Чу Цинюнь. Актёр, сыгравший Сяовэя в оригинале, был коренным жителем провинции Тай — простодушным, крепким парнем. Чу Цинюнь с его утончёнными, почти точёными чертами лица казался его полной противоположностью, но та аура, которую он излучал мгновение назад... поразительным образом совпала с образом на экране.

Учитель Ли, наблюдавший за всем со сложенными на груди руками, довольно кивнул. Заметив озадаченные взгляды остальных участников, он обратился к Цинюню:

— Покажи ещё раз. Повтори то состояние.

И все снова увидели это мгновенное, пугающее своей лёгкостью преобразование.

— Так, замри на секунду. Не двигайся, — скомандовал преподаватель.

Чу Цинюнь послушно замер. Он слегка развёл руки в стороны, приняв позу растерянности, характерную для старых кинолент провинции Тай.

— Заметили? — спросил Учитель Ли у притихшей аудитории. — Сяовэй по своей натуре добр,

но в то же время глубоко зажат.

Учитель указал на спину Чу Цинюня:

— Посмотрите, как меняется его осанка, стоит ему войти в образ. Плечи опускаются, он заметно сутулится. Обычно неуверенные в себе люди горбятся и вжимают голову. Если бы это была чистая, беспримесная зажатость, шея инстинктивно подалась бы вперёд. Повернись боком.

Чу Цинюнь повернулся в профиль. Камера тут же выхватила его шею крупным планом: вопреки ожиданиям, она не была наклонена вперёд, а, напротив, оказалась напряжённо, почти одеревенело выпрямлена. Силуэт казался даже прямее, чем обычно у Цинюня, но от этого зрелища веяло странной неестественностью.

Учитель с усмешкой спросил:

— Что же ты рушишь мою теорию?

Чу Цинюнь взглянул на него и, подражая старому дубляжу фильмов провинции Тай с их утрированно-искренними интонациями, мягко произнёс:

— Офицер, я не умею лгать.

Учитель Ли, чьё раздражение последних дней испарилось без следа, залился искренним хохотом:

— Ну ладно, объясни тогда сам, в чём тут секрет.

— Я внимательно пересмотрел весь фильм, — начал Чу Цинюнь. — Падение Сяовэя на дно не было случайностью. В сцене спасения Хань Чжисиня, когда он едва не вонзил гарпун в горло бандиту из Чёрного Дракона, уже проглядывает его истинная суть. Он не святой от рождения. Его порядочность и честность — результат материнского воспитания, тепличных условий семьи. Но суровые реалии провинции Тай тех лет не щадили простых людей. У Сяовэя была амбициозность, скрытое тщеславие, которые он подавлял под давлением долга перед матерью. Это бремя висело на нём... как обруч на голове Сунь Укуна.

Его сравнение вызвало в зале дружный смех. Сам Чу Цинюнь даже не улыбнулся. Будто вспомнив о чём-то своём, он едва заметно понизил голос:

— Поэтому, когда матери не стало, от его доброты и принципов не осталось и следа. Всё рассыпалось в прах за одно мгновение.

Учитель Ли понимающе закивал, подхватывая мысль:

— Совершенно верно. Когда Сяовэй вытаскивал Хань Чжисиня, тот был обычным уличным оборванцем, побитым псом. Но стоило Чжисиню подняться, стать правой рукой босса Чёрного Дракона и, ко всему прочему, тайным агентом полиции... Сяовэй, конечно, восхищался им. Но в глубине души, на подсознательном уровне, в нём зрела глухая зависть.

Он жестом велел ассистентам перемотать запись назад и запустить сцены из повседневной жизни героя. На этот раз ребята не вслушивались в реплики, а впились глазами в пластику Сяовэя. И действительно: когда Хань Чжисинь раскрыл карты, Сяовэй продолжал преданно помогать ему, руководствуясь чувством справедливости, но в его поведении появилась натянутость, глухое упрямство. Та самая услужливо склонённая шея вдруг одеревенела — он подсознательно пытался держать удар, тянуться вверх, не желая выглядеть жалким на фоне друга.

Участники проекта то и дело переводили взгляды с экрана на Чу Цинюня. В их глазах застыла смесь изумления и затаённой злобы. Только сейчас они по-настоящему осознали: перед ними другой человек. Никто не знал, что стряслось с Цинюнем за стенами проекта, но ясно было одно: былой забитый тихоня исчез навсегда. Этот новый Чу Цинюнь не собирался терпеть их нападки — он открыто демонстрировал превосходство, ослепляя своим талантом.

Он напоминал дремавшего в клетке тигра. Туристы могли сколько угодно шуметь и швырять в него камни, принимая покорность за слабость. Но зверь проснулся. И решётка его больше не удержит.

Чжоу Чи до боли сжал пальцы. Ногти прорвали листы сценария, впиваясь в ладонь. Сидевший рядом Ху Имин заметил это движение и осторожно накрыл его кулак своей ладонью. Чжоу Чи поднял голову и вымученно, но благодарно улыбнулся другу.

Реакция в чате трансляции мгновенно изменилась:

[Офигеть! Специально открыл «Агента под прикрытием» на втором мониторе, чтобы пересмотреть эти моменты. И ведь правда!]

[А я-то думал, почему Сяовэй в этих сценах казался мне каким-то дёрганным. Если присмотреться, у него шея реально как каменная!]

[Учитель Ли прямо расцвёл рядом с Чу Цинюнем. Ну ещё бы, тот ведь из Академии кинематографии, профессионал.]

[Да признайте вы уже, что он чертовски хорош! Слово сам с оригинальным актёром на одной площадке стоял.]

[Оригинальный актёр — гений, спору нет. Но то, как Чу Цинюнь уловил этот нюанс, — просто высший пилотаж!]

[Ой, да ладно вам, слепой курице тоже иногда зерно попадается! Цинюнь же выходил за пределы павильона, небось списал разбор у какого-нибудь кинокритика.]

[Боже, как это круто! Он вообще человек? Переключается между образами за доли секунды!]

[Теперь я понимаю страдания преподавателя. После бездарных потуг предыдущих групп игра Цинюня — как глоток чистого воздуха. ха-ха-ха]

— Теперь вы понимаете, какая пропасть отделяет вас от профессионалов? — подвёл итог Учитель Ли. — Многие ненавидят Сяовэя за то, что он предал Лун Тяня. Но этот персонаж — стержень всей картины. Он олицетворяет бунтаря своей эпохи, которого эта же эпоха в итоге растоптала и сожрала.

Актёрское мастерство — это не просто кривляние перед камерой. Это умение наблюдать. Вы замечаете только мимику, но характер складывается из мелочей: осанки, жестов, мимолётных движений. Именно они создают стержень образа, о чём я твержу вам без умолку уже который день. Я не требую от вас запредельной глубины анализа. Но потрудитесь хотя бы внимательно пересмотреть исходник, поучитесь у мастеров. В своё время исполнитель роли Сяовэя три месяца прожил инкогнито в глухой рыбацкой деревушке, чтобы прочувствовать этот сложный, глубоко противоречивый характер.

Чэнь Сяоди слушал затаив дыхание. Очарованный рассказом, он первым восторженно захлопал в ладоши. К нему робко присоединились остальные, и вскоре репетиционный зал взорвался овациями.

Зрители трансляции прекрасно понимали: эти аплодисменты предназначались мастерству оригинального актёра и профессионализму Учителя Ли. Никто больше не упрекал Чу Цинюня в дерзости или неуважении к старшим. Напротив, к парню прониклись симпатией. Ведь его выступление стало не просто демонстрацией собственного эго, а искренней данью уважения великому кино.

Чу Цинюнь сделал пару вежливых хлопков и снова принял свой привычный, расслабленно-небрежный вид.

— Ладно, перейдём к делу, — примирительно улыбнулся Учитель Ли. От его недавней хмурости не осталось и следа.

Дальнейшая репетиция прошла как по маслу. Шао Жань, снимавшийся с самого детства, отработал свои сцены безупречно. Чу Цинюнь держал планку с поразительной стабильностью. Трудности возникли лишь у Чэнь Сяоди — парню явно не хватало яростной харизмы Лун Тяня. Однако усердия ему было не занимать, да и текст от зубов отскакивал. Пребывая в отличном

расположении духа, Учитель Ли даже попросил Чу Цинюня помочь товарищу разобраться в деталях поведения персонажа, что заметно улучшило результат.

Кто бы мог подумать, что троица, которую все заранее списали со счетов и отправили на вылет, удостоится наивысшей похвалы строгого наставника! Ладно Шао Жань с его бэкграундом, это пережить можно. Но Чу Цинюнь? Парень, плетущийся в самом хвосте рейтинга популярности, вдруг затмил всех! Смириться с этим было выше сил их конкурентов.

Участники, которых наставник нещадно распекал последние дни, завистливо косились на Чэнь Сяоди. По уровню игры он ушёл недалеко от них, но благодаря тёплой атмосфере в группе избежал и единого грубого слова.

Когда разбор подошёл к концу, Учитель Ли подозвал Чу Цинюня поближе:

— Твоя техника на высоте, чувствуется хорошая школа и часы упорных тренировок. Но учти: сцена — это не съёмочная площадка. В кино момент, когда связанного Сяовэя прячут, остаётся за кадром — там всё решает монтаж. Тебе же придётся постоянно находиться на виду у зрителя, пока эти двое ведут свою психологическую дуэль. Твоя роль — самая сложная на самом деле. И здесь одной лишь имитацией не обойтись, нужно прожить этот эмоциональный слом.

Это понимал каждый понимающий зритель. Учитель Ли озвучил эту мысль не столько для самого Цинюня, сколько для многотысячной аудитории у экранов, выдав парню своеобразную индульгенцию. Теперь, даже если на живом выступлении что-то пойдёт не так, зрители спишут это на особенности сценического формата, а не на пробелы в таланте актёра.

Чу Цинюнь вежливо кивнул, принимая эту негласную поддержку:

— Спасибо, учитель. Я учту ваши слова.

Когда мастер-класс завершился, участники потянулись обратно в свои репетиционные залы. На выходе из дверей Чу Цинюнь нос к носу столкнулся с Чжоу Чи.

Ху Имин, не отходивший от Чжоу Чи ни на шаг, мгновенно насупился. Шао Жань и Чэнь Сяоди тоже напряглись, готовые в любой момент увести Цинюня подальше, пока тот снова не выдал какую-нибудь колкость, способную спровоцировать скандал в эфире.

К счастью, обошлось без сцен. Камеры физически не могли зафиксировать мимику каждого из тридцати толпящихся в дверях парней. Чжоу Чи лишь одарил Чу Цинюня тяжёлым, нечитаемым взглядом и поспешно скрылся в коридоре.

— Угадай, куда он так спешит? — негромко спросил Чу Цинюнь, предусмотрительно прикрыв ладонью свой и Шао Жаня петличные микрофоны.

Шао Жань лишь усмехнулся, оставив вопрос без ответа.

Цинюнь и не ждал реакции. Он озвучил очевидное для них обоих:

— В уборную.

Камеры следили за конкурсантами двадцать четыре часа в сутки, делая исключение лишь для туалетных комнат. Неудивительно, что местные обитатели бегали туда с завидной регулярностью.

— Составишь компанию? — Чу Цинюнь отпустил микрофон.

Зрители, следившие за его персональным эфиром, недоумевали: куда это они собрались? С кем он шепчется?

Шао Жань весело прищурился и кивнул:

— Пошли.

Обернувшись, он крикнул оставшемуся в зале Чэнь Сяоди:

— Сяоди, мы с Чу Цинюнем отойдём ненадолго.

— Хорошо, брат Жань... э-э, то есть, брат Чу, — засуетился тот. — Скоро уже обед, я тогда буду ждать вас в столовой.

Павильоны «Балабала»

Комплекс, где проходили съёмки «Пика актёрского мастерства», все ласково именовали «Большим домом». На деле это была гигантская съёмочная база медиагиганта «Балабала». Под нужды шоу выделили целых три этажа, где вольготно разместились жилые блоки на двоих для всех тридцати участников, пара десятков репетиционных залов, бесконечные студии и павильоны. И, что немаловажно, бесчисленное множество туалетных комнат.

Для тех, кто жаждал поддерживать связь с внешним миром в обход правил, это было идеальное место. Каждый ухитрялся прятать свой нелегальный мобильник в самых неожиданных углах, благо планировка позволяла не пересекаться друг с другом.

В неприметной туалетной кабинке на самом верхнем этаже Чжоу Чи осторожно приподнял

крышку сливного бачка. На внутренней стороне был закреплён силиконовый чехол, в котором покоился смартфон. Времени проверять тренды Вэйбо или собственную трансляцию не было. Дрожащими пальцами он набрал знакомый номер.

Едва на том конце провода сняли трубку, он выпалил:

— Чжао И! Какого чёрта ты там творишь?!

<http://bllate.org/book/20480/2122718>